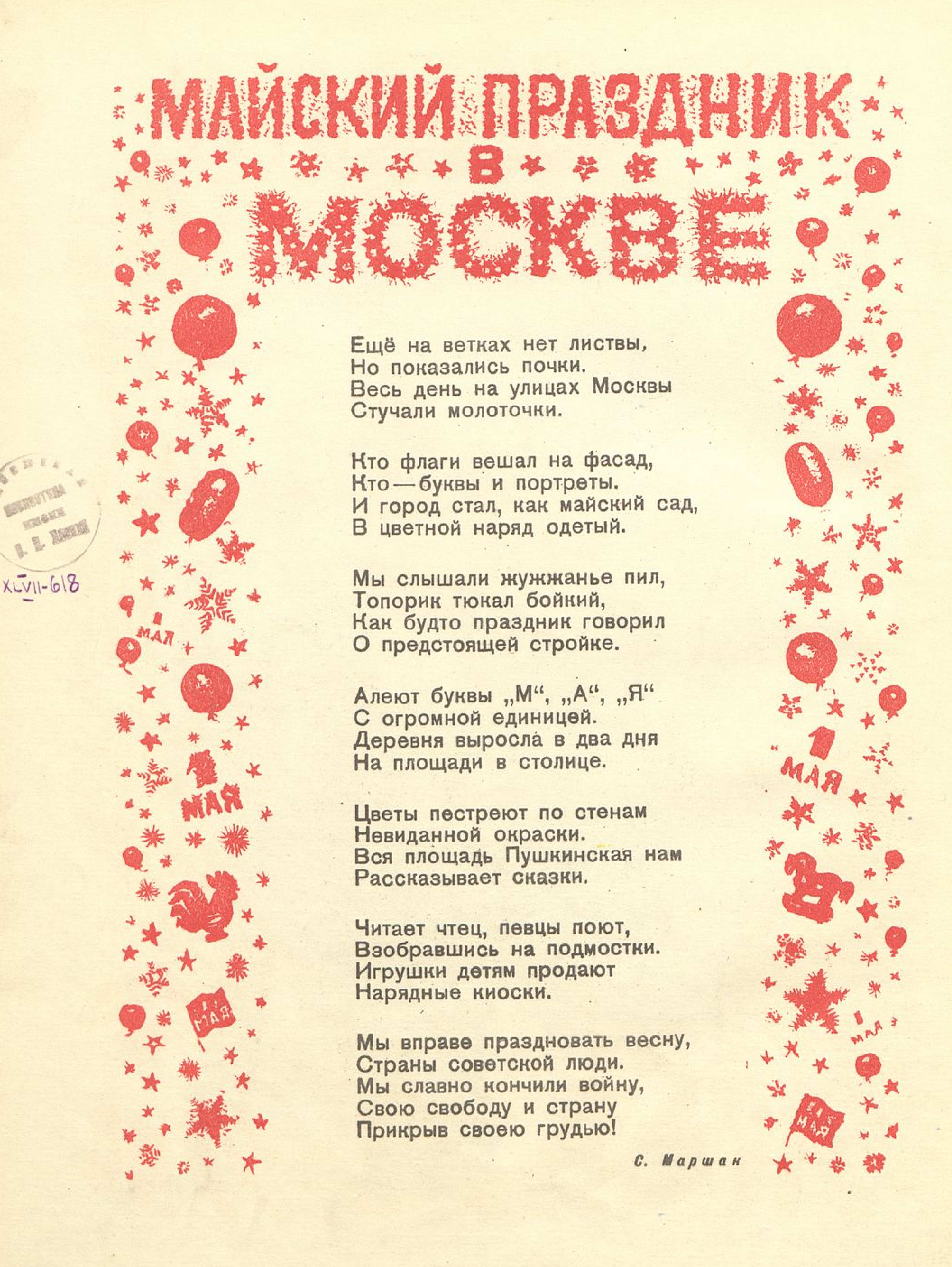
МУРЗИЛКА

№ 5-6
МАЙ — ИЮНЬ
1946

Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов

Майский праздник в Москве

Ещё на ветках нет листвы,
Но показались почки.
Весь день на улицах Москвы
Стучали молоточки.

Кто флаги вешал на фасад,
Кто — буквы и портреты.
И город стал, как майский сад,
В цветной наряд одетый.

Мы слышали жужжанье пил,
Топорик тюкал бойкий,
Как будто праздник говорил
О предстоящей стройке.

Алеют буквы „М“, „А“, „Я“
С огромной единицей.
Деревня выросла в два дня
На площади в столице.

Цветы пестреют по стенам
Невиданной окраски.
Вся площадь Пушкинская нам
Рассказывает сказки.

Читает чтец, певцы поют,
Взобравшись на подмостки.
Игрушки детям продают
Нарядные киоски.

Мы вправе праздновать весну,
Страны советской люди.
Мы славно кончили войну,
Свою свободу и страну
Прикрыв своею грудью!

С. Маршак

ДВА БРАТА

А. МАРЬЯМОВ

Рис. В. БИБИКОВА

Как-то раз, во время Отечественной войны, приняли к нам на подводную лодку нового сигнальщика. Звали его Федей Логиновым. Ему было всего-навсего шестнадцать лет.

Федя был очень высокий. А в подводной лодке тесно. Вместо дверей — небольшой круглый лаз. Куда ни повернись — разные трубки, колёсики, рычажки, приборы. Дня через три у Феди весь лоб в синяках был.

— Это не беда, — утешал его боцман.—Подводник свой корабль так и узнаёт. Потрогает шишку на лбу и сразу вспомнит, обо что он эту шишку набил. А когда шишек уж больше ставить некуда, значит — всё. Готов матрос. Обучился.

Федя только что окончил школу юнгов, он сам попросился к нам, на север. На нашем Северном флоте служил в отряде разведчиком его старший брат, Юрий.

Федя его не видел несколько лет.

Но и теперь они не встретились. За несколько дней до приезда Феди разведчик Логинов с группой товарищей поднялся на самолёте и улетел. Они спрыгнули с парашютами в пустынном уголке занятой немцами норвежской земли.

Что делали там разведчики, мы, конечно, не знали. Но вот наша подводная лодка получила приказ: выйти в море, итти к норвежскому берегу и снять разведчиков с чужой земли.

Поздним зимним вечером мы вышли в море. Было темно, и мы могли не прятаться под воду. Сквозь круглое отверстие я поднялся на верхний мостик. Дул резкий морозный ветер. Палубу заливало. Волна приходила и опять скатывалась в море. И когда она уходила, на борту оставались огромные толстые сосульки. Зеленоватым и розовым светом играло в них отражение северного сияния.

Это очень красиво, когда в северном ночном небе мерцает сияние. То развернётся оно вдруг в длинную пёструю и яркую ленту, то так же внезапно исчезнет. Вот соберётся в небольшое облачко бледно-зелёного цвета, а потом вдруг разом охватит полнеба. Бледные его цвета становятся ярче, они дрожат и переливаются над головою. И даже звёзды меркнут тогда перед этими радужными красками, озаряющими полярную ночь.

Когда я поднялся наверх, сияние аркой стояло над морем, и наша лодка шла прямо под эту арку.

На мостике были два вахтенных матроса-сигнальщика. На их тёплых тулупах обледенели брызги морской воды. От этого сигнальщики казались похожими на ёлочных дедов-морозов. Один из них всматривался вперёд, другой внимательно смотрел, что делалось за кормою.

Не оборачиваясь, первый сказал:

— Чуть боевую тревогу не подал. Дельфин подвёл.

По голосу я узнал Федю Логинова. В той стороне, куда глядел Федя, ещё и сейчас играл дельфин, освещённый тусклым отблеском сияния.

— Я его за перископ принял,—объяснил Федя. И сам засмеялся.

Очень трудное дело у сигнальщиков. Бревно плавает в волнах, а сигнальщику кажется, что это мина. Ныряет в море пустой ящик, смытый с палубы рыбачьего судна, а сигнальщику чудится человек. Птицу вдруг примет за самолёт. А успокоиться тоже нельзя. Глаз сигнальщика бережёт корабль от всех опасностей.

— А интересно,—заговорил опять Федя Логинов. — Юра там и не знает, что я за ним на корабле иду.

Федя только и думал теперь про встречу с братом.

Двое суток шли мы к назначенному месту. Январь кончался. На севере в эту пору стоят очень короткие дни. Но мы теперь прятались под воду не только в светлое время. Немцы рыскали вокруг непрерывно. Помощник командира всё чаще подавал команду: — Поднять перископ!

Один раз он дольше, чем обычно, вглядывался в зеркальце. Потом обернулся и подозвал меня:

— Поглядите-ка.

Я наклонился над зеркальцем.

В первый раз попал я в те места, где ходила теперь наша лодка. А то, что отразилось в зеркальце, было мне с давних-давних пор знакомо. Я увидел высокую скалу, спускающуюся в море широкими каменными ступенями.

И на всех ступенях сидели птицы.

Их было множество. Одни дрались между собою. Другие сидели неподвижно, повернув головы друг к другу. Казалось, будто они болтают о чём-то. То там, то здесь какая-нибудь птица, тяжело взмахнув крыльями, взмывала в воздух и снова садилась на камни, словно раздумала лететь.

Вероятно, эти птицы страшно кричали. Но крик их, конечно, не проникал к нам сквозь толстый слой воды, покрывавший лодку, и сквозь металл наших бортов и палуб. Всё, что я видел—и накат волн на скалы и движение множества птиц, — было совершенно безмолвно. И оттого всё, что бежало по зеркальцу перископа, показалось мне не отражением живого мира, а как бы картинкой из книги.

Подумав про картинку, я сразу вспомнил, почему и эта скала и сидящие на ней птицы показались мне такими знакомыми. Давно, в детстве, я видел всё это в своём учебнике географии. Под картинкой там было подписано: «Птичий базар в северной Норвегии».

Неподалёку от этой самой скалы было место, где поджидали нас разведчики.

Мы прятались до темноты, а когда стемнело, пошли к берегу. У самого берега наша лодка всплыла на поверхность. Командир отвинтил крышку и вышел на палубу. Он сразу увидел световые сигналы. Кто-то с берега подавал их карманным фонариком.

Да, это были наши.

Они надули небольшую резиновую шлюпку и переправились в ней к нам, на подводный корабль. Один за другим они спускались внутрь лодки.

Федя стоял внизу и ждал.

Вот спустился первый разведчик. За ним — второй. У них выросли огромные бороды. Ватники истрепались. Лица были исхудалые, глаза ввалились. Но глядели они весело. Ещё бы! Всё сделано, как надо, и всё обошлось хорошо. Живы!

Третий спрыгнул на гулкую, покрытую железными листами палубу. Он тоже радостно улыбнулся, когда увидел вокруг себя родные, русские лица. Вот сошёл и четвёртый, с такой же длинной бородой. А Юрия Логинова всё не было. За пятым люк закрылся. Это тоже был не Юрий. А больше не будет никого.

Федя растерянно обводил всех глазами. Командир подошёл к нему и сказал:

— Ты не беспокойся. Твой брат задержался по важному делу. Он вернётся завтра. Мы его дождёмся, заберём на лодку и вернёмся домой.

Назавтра лодка опять пришла к тому же месту.

Снова одинокий фонарик засверкал на берегу. Но едва лодка начала выходить на поверхность, со скалы взлетел десяток птиц, растревоженных нашим появлением. За десятком поднялась сотня. И вскоре множество птиц — весь птичий базар! — закружилось над нашей рубкой. Теперь-то мы хорошо слышали, как они кричат.

Там были чайки, гагары, утки. Они хлопали крыльями и орали так, что нельзя было расслышать голоса соседа.

Эта суматоха на птичьем базаре привлекла внимание немецкого берегового поста.

То там, то здесь начали взлетать над берегом ракеты.

С какой-то батареи ударила пушка. Даже звук взорвавшегося снаряда показался слабым сквозь страшный птичий гам. Но зато мы очень хорошо видели, как взорвался этот снаряд. Взрыв был совсем близко. На палубу плеснуло водой, и несколько осколков застучало по железу.

— Срочное погружение! — скомандовал командир.

Мы думали, что спрячемся под водой на несколько часов, а потом снова попытаемся подойти к берегу, за Логиновым. Не тут-то было! Немцы начали за нами охоту. Десяток кораблей бродил над нами по всем направлениям, выслушивал море.

Вот ведь что наделали проклятые птицы!

Конечно, нечего было и думать о том, чтобы подняться на поверхность. Нужно было доставить в целости пятерых разведчиков. Они узнали много важного на вражеской земле. Всё это нужно было поскорее рассказать в штабе.

Мы схитрили, обманули немцев и ушли. Юрий Логинов остался на чужом берегу.

Федя не мог опомниться. Он ни с кем не разговаривал. Молчал и о чём-то думал.

Мы все утешали его. Говорили, что Юрий Логинов не такой человек, чтобы пропасть.

Но прошло три месяца, пошёл четвёртый, а Юра не приходил.

И вот началось наше большое наступление. Мы опять пошли к норвежской земле. Но на этот раз мы шли для того, чтобы выгнать оттуда немцев навсегда.

Наша лодка подошла к узкому и длинному заливу. Впереди горела небольшая рыбачья деревушка. Сперва нам показалось, что берег вовсе пустой. Потом мы заметили вдалеке какую-то фигуру. Человек копошился на мостках, у причала. Похоже было, что он пытается спустить на воду лодку.

И в самом деле, скоро рыбачья лодка отделилась от берега и стала приближаться к нам.

— Кто там? — крикнул Федя Логинов с нашей шлюпки.

— Свои! — отозвался голос.

— Кто свои? — допытывался Федя.

— Да потерпи, дылда, увидишь!—весело отвечал голос с норвежской шлюпки.

— Юра!—крикнул тут вдруг Федя Логинов. — Юрка!

Да, это и в самом деле был Юрий.

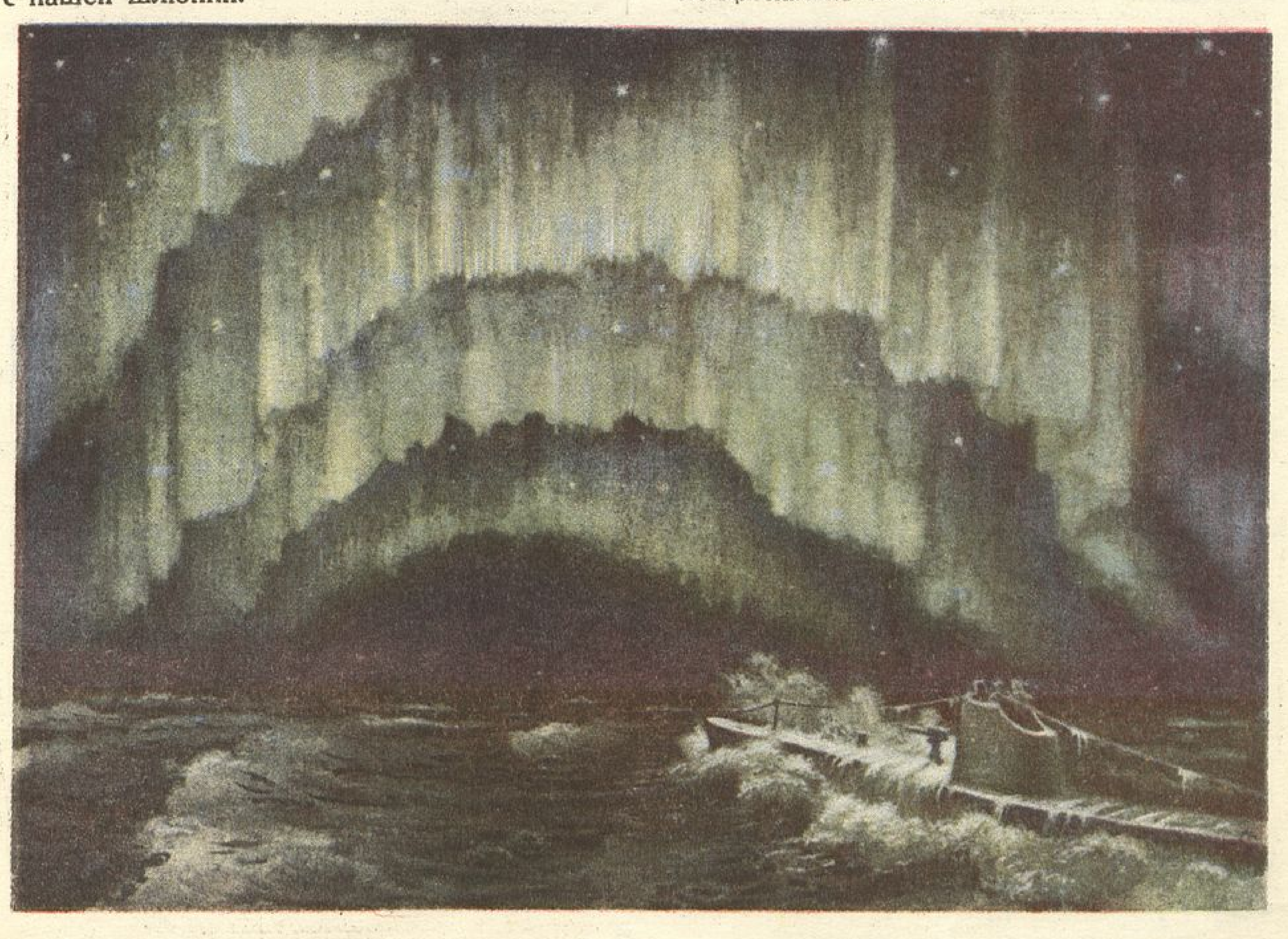
После того как братья обнялись и поздоровались, мы набросились на него с расспросами. Он рассказал, как жил в горах, как прятался у норвежских партизан. Уже три дня держат они здесь поблизости отбитую у немцев береговую батарею.

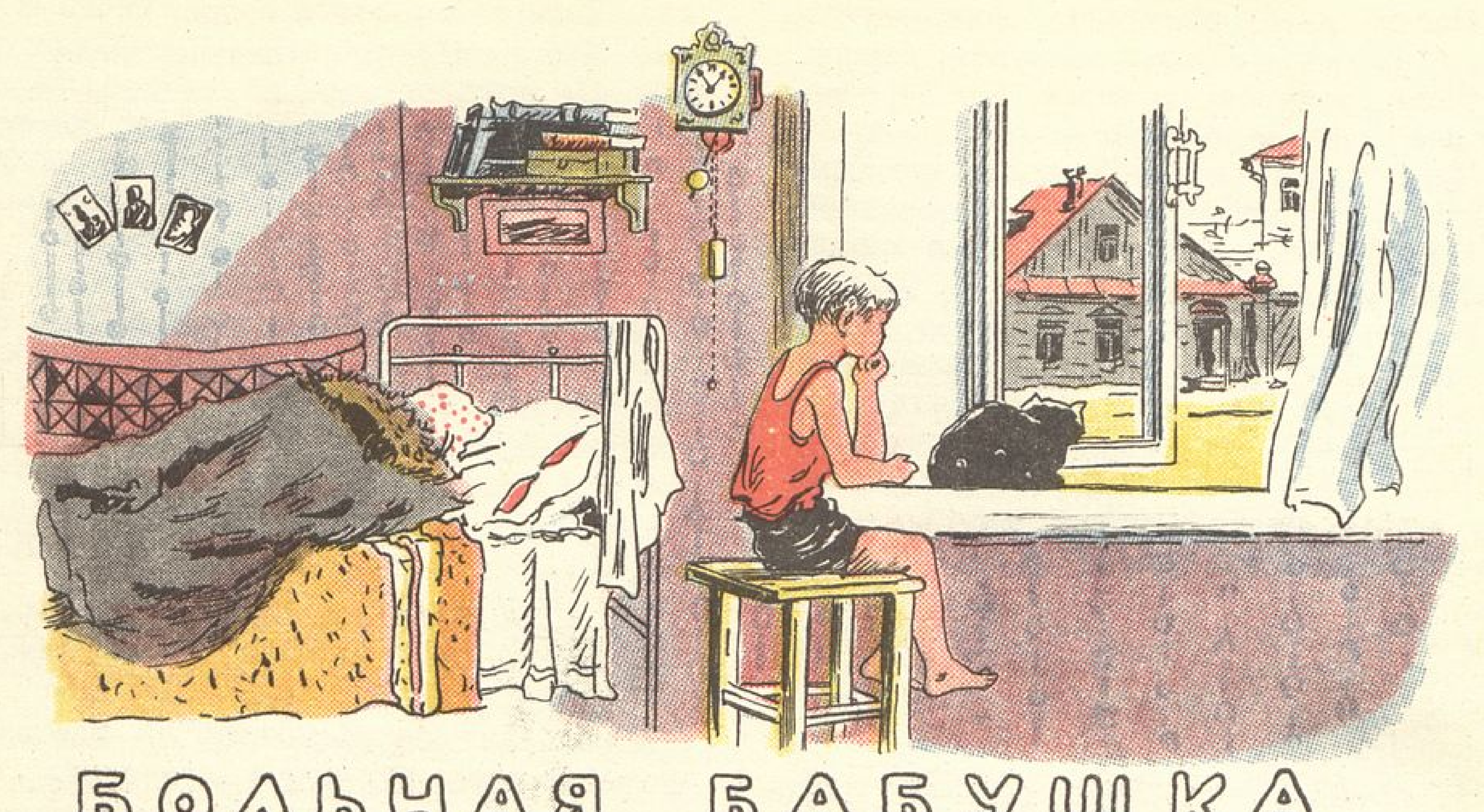
Мы ещё раз убедились: умный и храбрый никогда не пропадёт.

...С воды поднялась чайка, прошла низко над нами и снова нырнула к воде, завидев там какую-то рыбу.

Юрий Логинов посмотрел ей вдогонку, погрозил птице кулаком и засмеялся.

— Теперь ничего,—сказал он,—смотрю. А первую неделю, после того как вы ушли, я ни одну птицу видеть не мог. Ведь чуть не пропал из-за них.

БОЛЬНАЯ БАБУШКА

П. СЕМЫНИН

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

Наша бабушка мыла пол и вспотела, а потом попала на сквозняк. Это старым не шутка, вот у ней и начался сильный жар. Мама натёрла ей спину, укрыла её папиной шубой и велела мне сидеть потихоньку и глядеть, если вдруг бабушке что-нибудь понадобится. А сама скорей побежала на работу.

Я сидел у окошка так тихо, что бабушка уснула. И хотя мне было очень смешно, потому что против нашего дома чёрный козёл Сидор Иванович, встав на задние ноги, кушал афишу на заборе, я всё-таки терпел изо всех сил.

Потом на городской пруд пошли купаться ребята из нашего двора. Слава закричал мне с улицы:

— Что ты сидишь, как немой? Пойдём с нами!

Но я крикнуть ему не мог и только помотал головой.

Вдруг в конце нашего переулка я увидел много красноармейцев, которые шли по мостовой рядами, с ружьями, и несли на плечах фашистов из фанеры (мишени). По нашему переулку они ходят на учение за рощу каждое утро. Там они ставят фашистов на горку и стреляют по ним лёжа, с колена и стоя. Мы со Славой не раз видели это ученье и после набирали полные карманы пустых патронов.

Теперь красноармейцы шли домой обедать и пели песню. Песня была громкая; один красноармеец свистел так сильно, что стёкла у окна гудели. Я скорей закрыл раму, но бойцы приближались, и бабушка начала ворочаться. Тогда я бегом бросился по лестнице на улицу и у самого парадного столкнулся с командиром.

Он очень удивился и спросил:

— Ты что это, будто выстреленный из пушки?

Я ответил ему, что у нашей бабушки жар, сейчас она спит и петь в переулке нельзя.

Командир засмеялся, махнул бойцам рукой и сказал:

— Отставить!

Песня прекратилась, а он взял меня на руки, пощекотал усами шею и спросил:

— Тебя как зовут? Саня? У меня, брат, есть тоже Саня — орёл! И глаза такие же — чёрные, немытые, как у тебя. Пойдём к нам жить: каску тебе дадут, шинельку, шпоры, как у петуха...

Но тут наш переулок кончился, командир спустил меня на землю и сказал:

— Ну, шагай, брат, шагай к своей бабушке, а то она проснётся, а тебя нету, у ней жар ещё больше подскочит.

Я постоял немножко, поглядел, как они завернули на другую улицу, и побежал домой. Бабушка, оказывается, спала и не просыпалась.

На другой день, хотя бабушка и была ещё слабоватой, она встала и вновь начала хлопотать по дому. Я собрался со Славой итти на пруд, когда опять показались красноармейцы с ружьями и фашистами из фанеры. Они шли молча, командир их поглядывал по сторонам. Увидев меня, он замахал рукой, а когда я подбежал, сказал шопотом:

— Ну, как бабушка? Легчает?

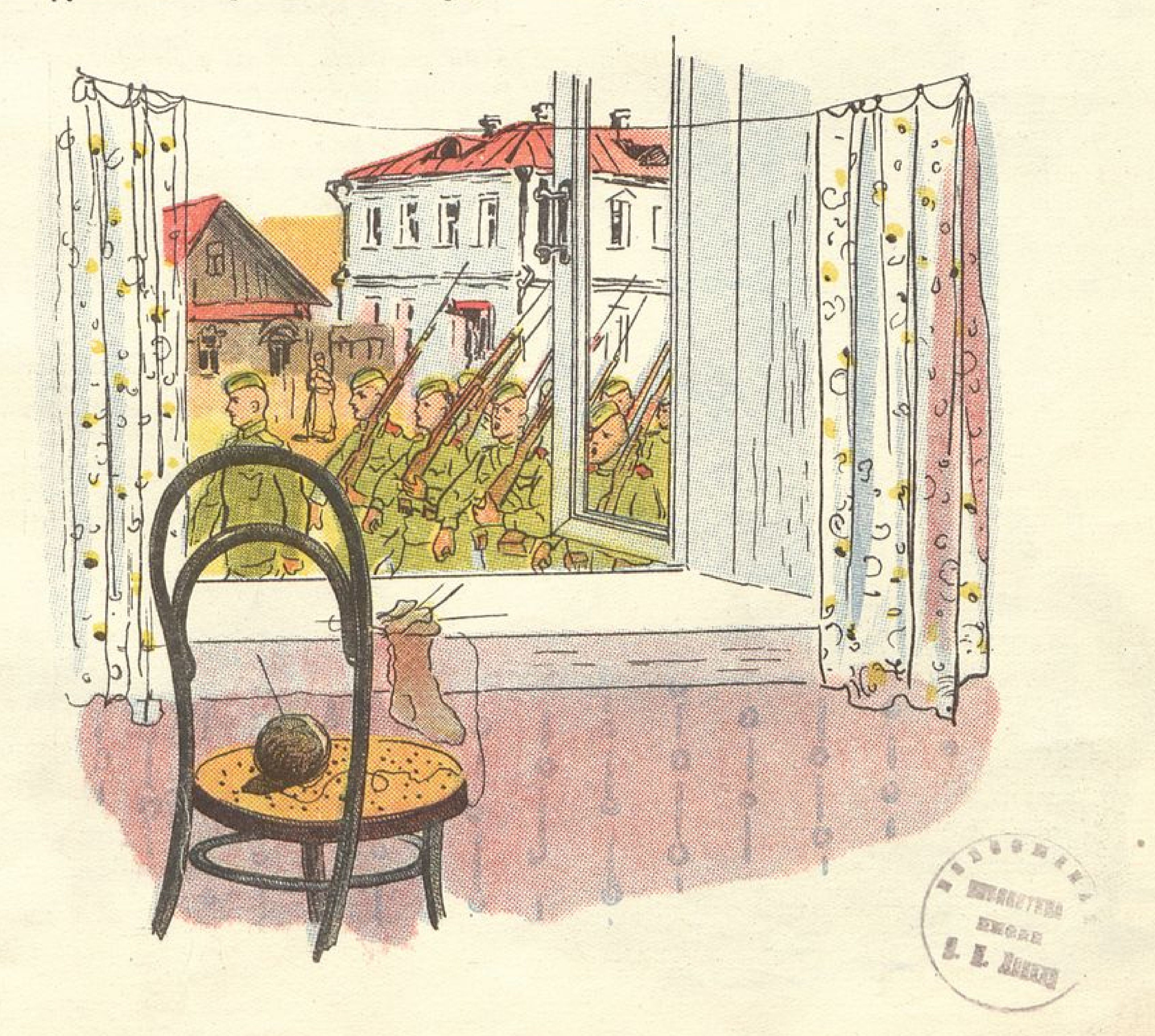
Я ответил, что она уже ходит. Он удивился.

— Ишь ты как ловко! Ну, теперь мы споём в честь твоей бабушки самую весёлую.

Командир крикнул высокому бойцу с рыжими бровями:

— Семён, ну-ка, новую!..

Семён откашлялся, поправил свою пилотку и быстро-быстро высоким голосом повёл песню. Бойцы грянули припев так дружно, что из всех окон высунулись люди. Бабушка тоже показалась в окне, прикрывая глаза ладошкой от солнца. Она и не знала, что бойцы пели песню в честь её выздоровления.

Сергей Михалков

Мой телефон

Мне поставили сегодня телефон
И сказали: «Аппарат у вас включён».
Я могу по телефону с этих пор,
С кем хочу, вести из дома разговор.
Я сажусь. Снимаю трубку с рычажка.
Дожидаюсь непрерывного гудка
И, волнуясь, начинаю набирать:
«В 1-44-35».
Телефон мне отвечает: «Дуу... дуу... дуу...»
Я сижу у аппарата — жду... жду... жду...
Наконец я слышу голос:
— Вам кого?
— Попросите дядю Степу!
— Нет его.
Улетел он рано утром в Ленинград.
— Как же так? Он приглашал нас на парад!
— Нам об этом неизвестно ничего.
Срочно вызвали на Балтику его.
«Д 3-20-18» я набрал.
— Я вас слушаю, — ответил генерал.
— Мы к вам с просьбой. Помогите!
— Буду рад!
— Как попасть на первомайский нам парад?
Дайте пропуск!
— Хорошо. А сколько вас?
— Извините. Не пугайтесь. Целый класс!
«И 4-28-50».
— Это госпиталь?
— Так точно! — говорят.
— Вы узнайте у дежурного врача,
Как здоровье Николая Фомича,

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

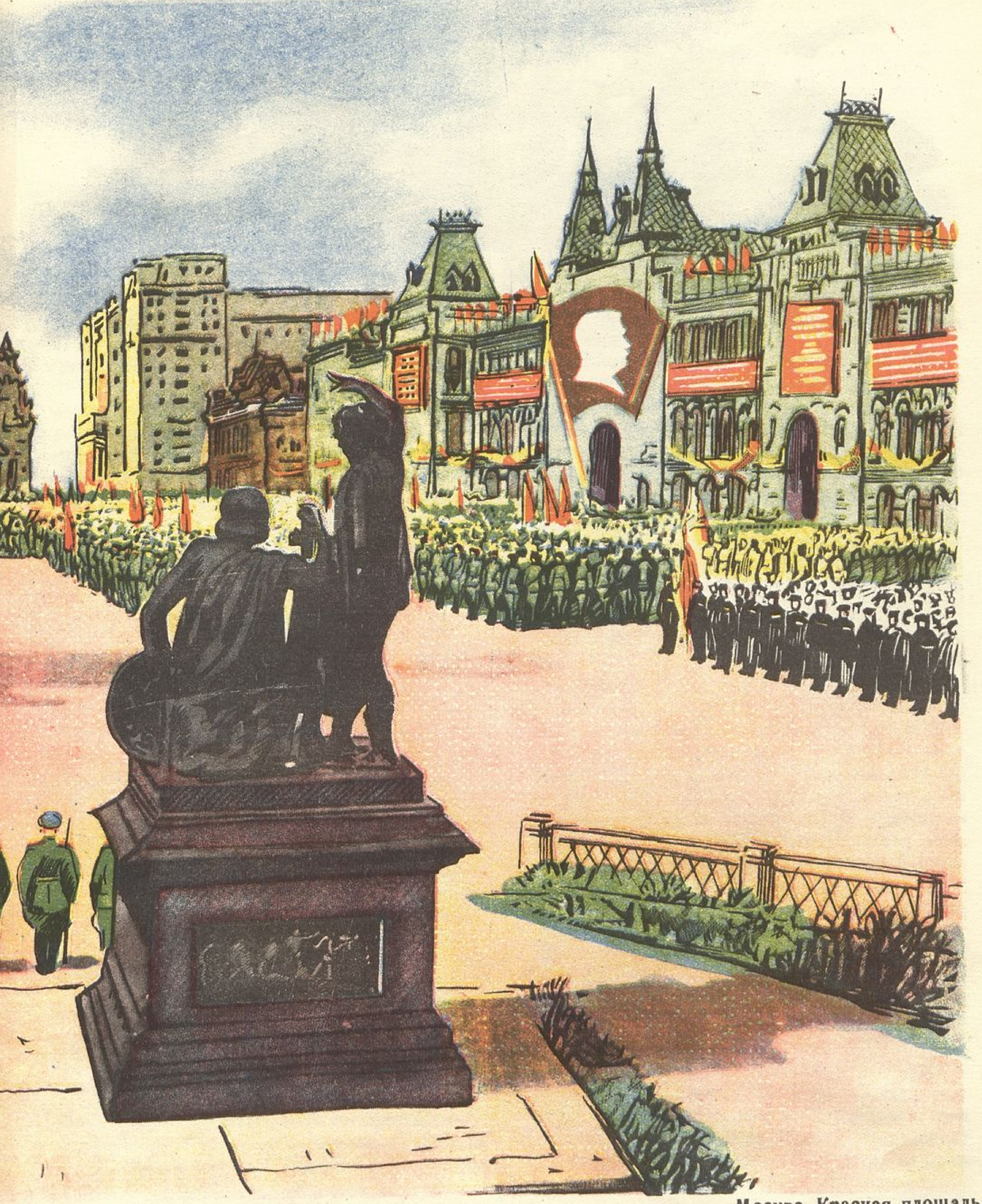
Лейтенанта из палаты номер семь.
— Лейтенант уже поправился совсем!
Он без палочки гулять ходил вчера, —
Отвечает медицинская сестра.
«К 4-18-42».
— Это что? Гостиница «Москва»?
Кто-то в трубку дышит и молчит,
Ничего не отвечает и рычит.
— Это что? Гостиница «Москва»?
— Гр-р-ражданин, вы р-р-разбудили льва! —
Только трубку положил на рычажок,
Раздаётся оглушительный звонок.
Михалкова вызывает детский сад.
— Что вы пишете для маленьких ребят?
— Передать моим читателям прошу,
Что весёлые стихи я им пишу
Про чудесный аппарат, про телефон,
И про то, как помогает людям он.
Хоть приятель мой живёт и далеко,
Я могу с ним разговаривать легко.
Тёмной ночью и в любое время дня
Замечательно услышит он меня.
Позвоню я поздно ночью в Ленинград —
С ленинградцами меня соединят.
Я могу звонить в любые города,
Даже в самый дальний город иногда.
Удивительно устроен телефон!
Всё мне кажется, что это только сон.
Чтобы этому скорей поверил я,
Позвоните мне, пожалуйста, друзья!

ПАРАД П

ОБЕДЫ

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

Москва. Красная площадь.

СТАЛЬНОЕ КОЛЕЧКО

КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ ***Рис. О. ВЕРЕЙСКОГО***

Дед Кузьма жил со своей внучкой Варюшей в деревушке Моховое, у самого леса.

Зима выдалась суровая, с сильным ветром и снегом. За всю зиму ни разу не потеплело и не закапала с тесовых крыш суетливая талая вода. Ночью в лесу выли продрогшие волки.

Дед Кузьма говорил, что они воют от зависти к людям. Волку тоже охота пожить в избе, почесаться и полежать у печки, отогреть заледенелую косматую шкуру.

Среди зимы у деда вышла махорка. Дед сильно кашлял, жаловался на слабое здоровье и говорил, что если бы затянуться разок-другой, ему бы сразу полегчало. В воскресенье Варюша пошла за махоркой для деда в соседнее село Переборы. Мимо села проходила железная дорога. Варюша купила махорку, завязала её в ситцевый мешочек и пошла на станцию посмотреть на поезда. В Переборах они останавливались редко. Почти всегда они проносились мимо с лязгом и грохотом.

На платформе сидели два бойца. Один был бородатый, с весёлым серым глазом.

Заревел вдали паровоз. Было уже видно, как он, весь в пару, яростно рвался к станции от дальнего чёрного леса.

— Скорый!—сказал боец с бородой.— Смотри, девчоночка, сдует тебя поездом! Улетишь под небеса.

Паровоз с размаху налетел на станцию. Снег завертелся, залепил глаза. Потом пошли перестукиваться, догонять друг друга запыхавшиеся колёса. Варюша схватилась за фонарный столб и закрыла глаза,— как бы и вправду её не подняло над землёй и не утащило за поездом.

Когда поезд пронёсся, а снежная пыль ещё кружилась в воздухе и садилась на землю, бородатый боец спросил Варюшу:

— Это что у тебя в мешочке? Не махорка?

— Махорка.

— Может, продашь? Курить большая охота.

— Дед Кузьма не велит продавать! — строго ответила Варюша. — Это ему от кашля.

— Эх ты! — сказал боец. — Цветок-лепесток в валенках! Больно серьёзная!

— А ты так возьми сколько надо,—сказала Варюша и протянула бойцу мешочек.— Покури!

Боец отсыпал в карман шинели добрую горсть махорки, скрутил толстую цыгарку, закурил, взял Варюшу за подбородок и посмотрел, посмеиваясь, в её синие глаза.

— Эх ты! — повторил он. — Анютины глазки с косичками! Чем же мне тебя отдарить? Разве вот этим?

Боец достал из кармана маленькое стальное колечко, сдул с него крошки махорки и соли, потёр о рукав и надел Варюше на средний палец.

— Носи на здоровье! Этот перстенёк совершенно чудесный. Гляди, как горит!

— А отчего он, дяденька, такой чудесный? — спросила Варюша.

— Оттого, — ответил боец, — что ежели будешь носить его на среднем пальце, принесёт он здоровье и тебе и деду Кузь-

ме. А наденешь его вот на этот, на безымянный,—боец потянул Варюшу за озябший красный палец, — будет у тебя большущая радость. Или, к примеру, захочется тебе посмотреть белый свет со всеми его чудесами — надень перстенёк на указательный палец. Непременно увидишь.

— Будто? — спросила Варюша.

— А ты ему верь, — прогудел другой боец из-за поднятого ворота шинели.—Он колдун. Слыхала такое слово?

— Слыхала.

— Ну, то-то! — засмеялся боец. — Он старый сапёр. Его даже танковая мина не брала.

— Спасибо! — сказала Варюша и побежала к себе в Моховое.

Сорвался ветер. Посыпался густой-прегустой снег. Варюша всё трогала колечко, повёртывала его, смотрела, как оно блестит от зимнего света.

«Что ж боец позабыл мне сказать про мизинец? — подумала она.—Что будет тогда? Дай-ка я надену перстенёк на мизинец, попробую».

Она надела колечко на мизинец. Он был худенький. Колечко на нём не удержалось, упало в глубокий снег около тропинки и сразу нырнуло на самое снежное дно.

Варюша охнула и начала разгребать снег руками. Но колечка не было. Пальцы у Варюши посинели от мороза.

Варюша заплакала. Пропало колечко! Значит, не будет теперь здоровья деду Кузьме, не будет у неё большущей радости, и не увидит она белый свет со всеми его чудесами.

Варюша воткнула в снег, в том месте, где уронила колечко, старую еловую ветку и пошла домой. Она вытирала слезы рукавом, но всё равно они всё набегали и замерзали, и от этого было колко и больно глазам.

Дед Кузьма обрадовался махорке, задымил всю избу, а про колечко сказал:

— Ты не горюй, дурочка. Где упало, там и валяется. Ты Сидора попроси. Он тебе сыщет.

Старый воробей Сидор спал на шестке, раздувшись, как шарик. Всю зиму Сидор жил в избе у Кузьмы самостоятельно, как хозяин. С характером своим он заставлял считаться не только Варюшу, но и деда. Кашу он склёвывал прямо из мисок, а хлеб старался вырвать из рук. Когда его отгоняли, он обижался, ершился, начинал драться и чирикал так сердито, что под стрехой собирались воробьи со всей деревушки. Они прислушивались, а потом долго шумели между собой, осуждая Сидора за дурной нрав. Живёт в избе, в тепле, в сытости — и всё ему мало!

На другой день Варюша поймала Сидора, завернула в платок и понесла в лес. Из-под снега торчал только самый кончик еловой ветки. Всё кругом замело. Варюша посадила Сидора на еловую ветку и попросила:

— Ты поищи, поройся. Может, найдёшь.

Сидор скосил глаз, недовольно посмотрел на снег и пропищал:

— Ишь ты! Ишь ты! Нашла дурака.

— Ишь ты! Ишь ты! — повторил он, встряхнулся и полетел обратно в избу.

Так и не отыскалось колечко! Дед Кузьма кашлял всё сильнее. К весне он залез на печку, почти не спускался оттуда и всё чаще просил попить. Варюша подавала ему в железном ковшике холодную воду.

Метели кружились над деревушкой. Сосны завязли в снегу по колени, и Варюша уже не могла отыскать в лесу то место, где уронила колечко. Иногда она, спрятавшись за печкой, тихонько плакала от жалости к деду, бранила себя.

— Дурёха! — шептала она. — Забаловалась, обронила перстенёк. Вот тебе за это! Вот тебе!

Она била себя кулаком по голове, наказывала себя, а дед Кузьма спрашивал:

— С кем это ты там шумишь-то?

— С Сидором, — отвечала Варюша. — Такой неслух! Всё норовит драться.

Однажды утром Варюша проснулась от того, что Сидор прыгал по оконцу и стучал клювом в стекло. Варюша открыла глаза и зажмурилась. С крыши, перегоняя друг друга, падали длинные капли. Орали галки. Варюша выглянула на улицу. Тёплый ветер дунул ей в глаза, растрепал волосы.

— Вот и весна! — сказала тихо Варюша.

Блестели чёрные ветки, шуршал, сползая с крыш, подтаявший снег, и важно и весело шумел за околицей мокрый лес. Весна шла по полям, как молодая весёлая хозяйка. Стоило ей посмотреть на овраг, как в нём тотчас начинал булькать и переливаться ручей. Весна шла, и звон ручьёв с каждым её шагом становился звончей и звончей. Снег в лесу потемнел. Сначала на нём выступила облетевшая за зиму коричневая хвоя, потом появилось много сухих сучьев — их наломало бурей в декабре, — под ними зажелтели прошлогодние палые листья, зачернели прогалины, и по краям последних сугробов зацвела мать-и-мачеха.

Варюша нашла в лесу старую еловую ветку — ту, что воткнула в снег, где обронила колечко, — и начала осторожно отгребать старые листья, пустые шишки, накиданные дятлами, веточки, гнилой мох.

Под одним чёрным листком блеснул огонек. Варюша вскрикнула и присела: вот оно, стальное колечко! Оно ничуть не заржавело.

Варюша схватила его, надела на средний палец и побежала домой.

Ещё издали, подбегая к избе, она увидела деда Кузьму. Он вылез из избы, сидел на завалинке, и синий дым от махорки подымался от деда прямо к небу, будто Кузьма просыхал на весеннем солнышке и над ним курился пар.

— Ну вот, — сказал дед, — ты, вертушка, выскочила из избы, позабыла дверь затворить и продуло всю избу лёгким воздухом. И сразу болезнь меня отпустила. Благодать! Сейчас вот покурю, найду колун, наготовлю дровишек. Затопим мы печку и спечём ржаные лепёшки.

Варюша засмеялась, погладила деда по косматым серым волосам и подумала: «Спасибо колечку. Вылечило оно тебя, дед Кузьма».

Весь день Варюша проносила колечко на среднем пальце, чтобы навсегда прогнать дедовскую болезнь. Только вечером, укладываясь спать, она сняла колечко со среднего пальца и надела его на безымянный. После этого должна была случиться большущая радость. Но она медлила, не приходила, и Варюша так и уснула, не дождавшись.

Встала она рано, оделась и вышла из избы. Тихая и тёплая заря занималась над землёй. Высоко в небе ещё догорали звёзды.

Варюша пошла к лесу. На опушке она остановилась: что это звенит в лесу, будто кто-то осторожно шевелит бубенчики? Варюша нагнулась, прислушалась и всплеснула руками: белые подснежники чуть-чуть качались, кивали заре, и каждый цветок позванивал, будто в нём сидел маленький жук кузька-звонарь и бил лапкой по серебряной паутинке.

На вершине сосны ударил дятел пять раз.

«Пять часов, — подумала Варюша. — Рань-то какая! И тишь!»

Тотчас высоко на ветках, вся в золотом бледном свете, запела иволга — русская наша жар-птица. Варюша слушала, приоткрыв рот, улыбалась. Ей было легко, весело. Лес обдало теплом, сильным ласковым ветром, как будто кто-то прошёл мимо. Закачались ветки лещины. Из ореховых серёжек посыпалась жёлтая пыльца.

Кто-то прошёл, невидимый, мимо Варюши, осторожно отводя ветки. Навстречу ему закуковала кукушка.

— Кто же это прошел, а я не разглядела? — прошептала Варюша.

Она не знала, что это весна прошла мимо неё. Варюша засмеялась громко, на весь лес, и побежала домой. И такая большущая радость пришла к ней от этой весны, такая большущая, что не обхватишь руками.

Весна разгоралась с каждым днём всё ярче, всё веселее. Такой свет лился с неба, что глаза у деда Кузьмы сделались узкие, как щёлочки, но всё время посмеивались.

А потом по лесам, по лугам, по оврагам сразу — будто на них брызнули волшебной водой — зацвели, запестрели тысячи тысяч цветов.

Варюша думала было надеть перстенёк на указательный палец, чтобы повидать белый свет со всеми его чудесами, но посмотрела на все эти цветы, на липкие берёзовые листочки, на ясное небо и тёплое солнце, послушала крик петухов, бульканье воды, звон жаворонка над полями — и не надела перстенёк на указательный палец.

«Успею, — подумала она. — Нигде не может быть так хорошо, как у нас в Моховом. Это же прелесть что такое! И дед Кузьма говорит, что наша земля — истинный рай и нету другой такой хорошей земли на всём белом свете!»

(Продолжение)[1]

КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ

Рис. В. КОНАШЕВИЧА

ВЕРНУЛСЯ

Желанного гостя мы радостно ждём!
И моем и чистим игрушечный дом.

В игрушечном доме — покой и уют,
Как весело тут заживёт лилипут!

Старуха Федосья из белой муки
Ему, Бибигону, печёт пирожки.

А Тата и Лена взялись за иголку
И новую сшили ему треуголку.

«Скорее, скорее вернулся бы он,
Маленький наш Бибигон!»

Из разноцветных своих лоскутков,
Оранжевых, синих и красных,
Немало они ему сшили обнов —
Нарядных жилетов, красивых штанов,
Плащей и камзолов атласных.

О, только б вернулся сюда Бибигон!
Каким разоденется щёголем он!

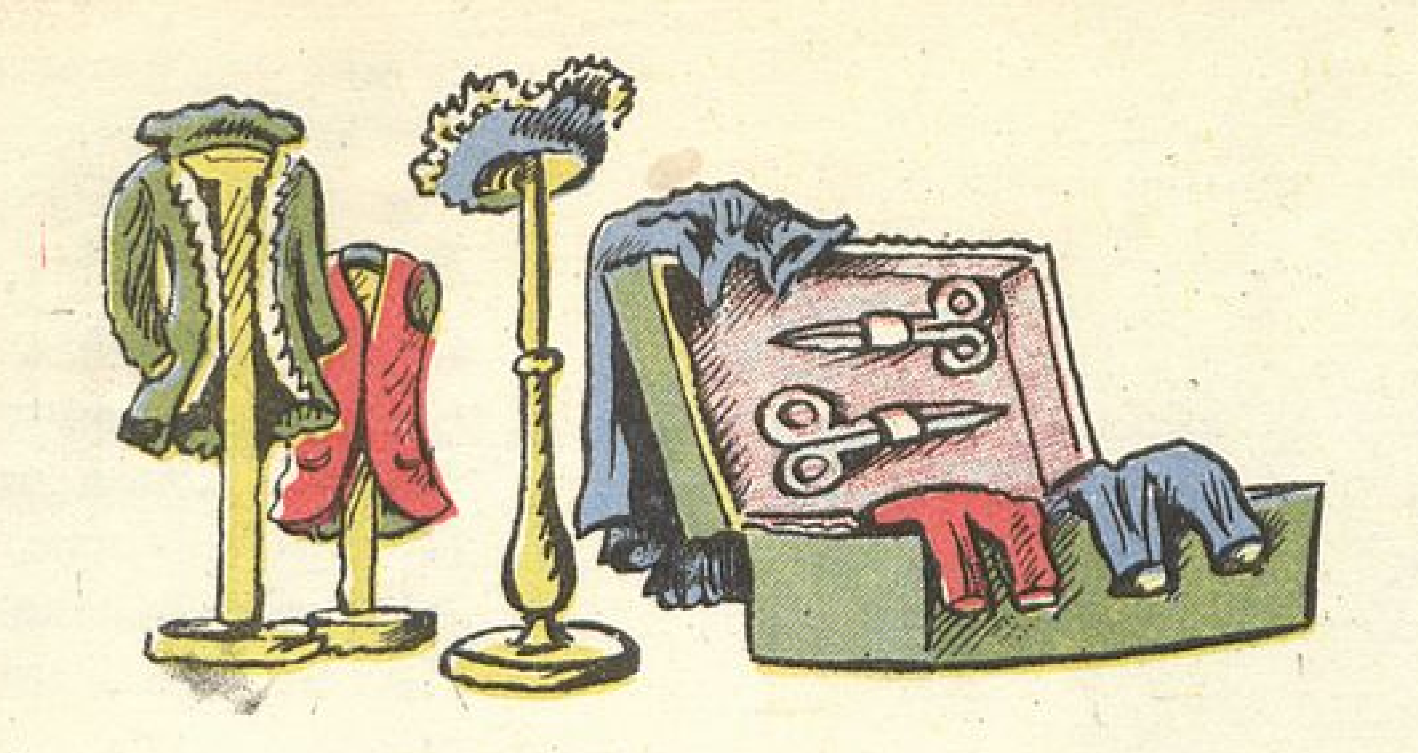
Но он не вернулся.
И нет Бибигона!
Быть может,
Его проглотила ворона?

А может быть, он
Захлебнулся в воде,
В каком-нибудь озере
Или пруде?

Быть может, за дерево
Он зацепился,
Упал с самолёта
И насмерть разбился?

А может быть, ночью,
Ненастной порой,
Спускаясь на землю
С любимой сестрой,

[1] Начало см. в нашем журнале №№ 11, 12 за 1945 год, №№ 1, 2—3, 4 за 1946 год.

Он сбился с пути,
Повстречал Брундуляка
И был превращён
В паука или рака?..

Но вот как-то раз мы стоим под дождём
И ждём Бибигона, и ждём его, ждём,—

Глядь, а он на одуванчике,
Как на маленьком диванчике,
Развалился и сидит
И с каким-то незнакомым
Длинноногим насекомым
Разговаривает.

От радости внучки мои завизжали
И вперегонки к нему побежали:
— Где же ты был-побывал?
С кем ты в пути воевал?
Скажи, отчего ты такой
Бледный, усталый, худой?
Может быть, ты нездоров?
Не позвать ли к тебе докторов?

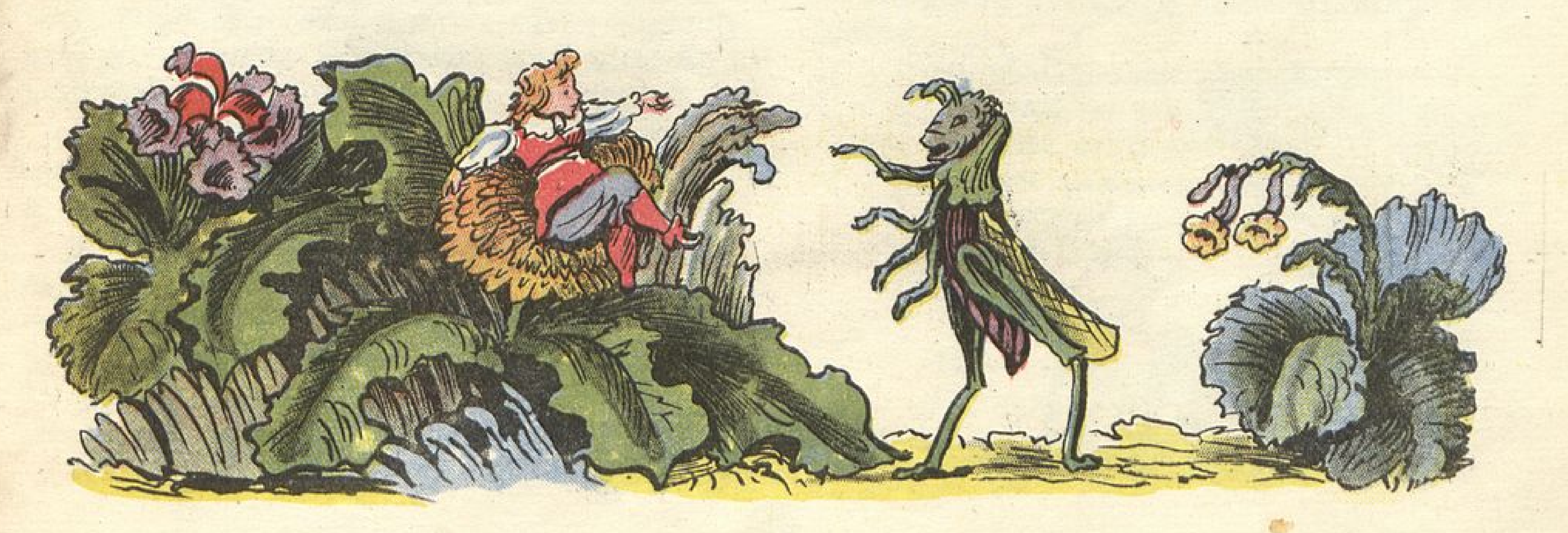
И долго они целовали его,
Ласкали его, согревали его,
А потом прошептали несмело:
— Но где же твоя Цинцинэлла?

— Моя Цинцинэлла!—сказал Бибигон,
И улыбнулся от радости он. —
Она прилетела сегодня со мной,
Но спряталась, бедная в чаще лесной.
И рада бы встретиться с вами она,
Да злого боится она колдуна:
Жесток и коварен седой чародей,
Давно уж он хочет жениться на ней.
Но нет, не поможет ему колдовство.
Она ненавидит и гонит его,
И над упрямой его головой
Опять засверкает мой меч боевой!

И вновь Бибигон улыбнулся устало...
Но молния вдруг в облаках заблистала,

И — бах-барабах!—оглушительный гром,
Как будто бы небо на землю упало!

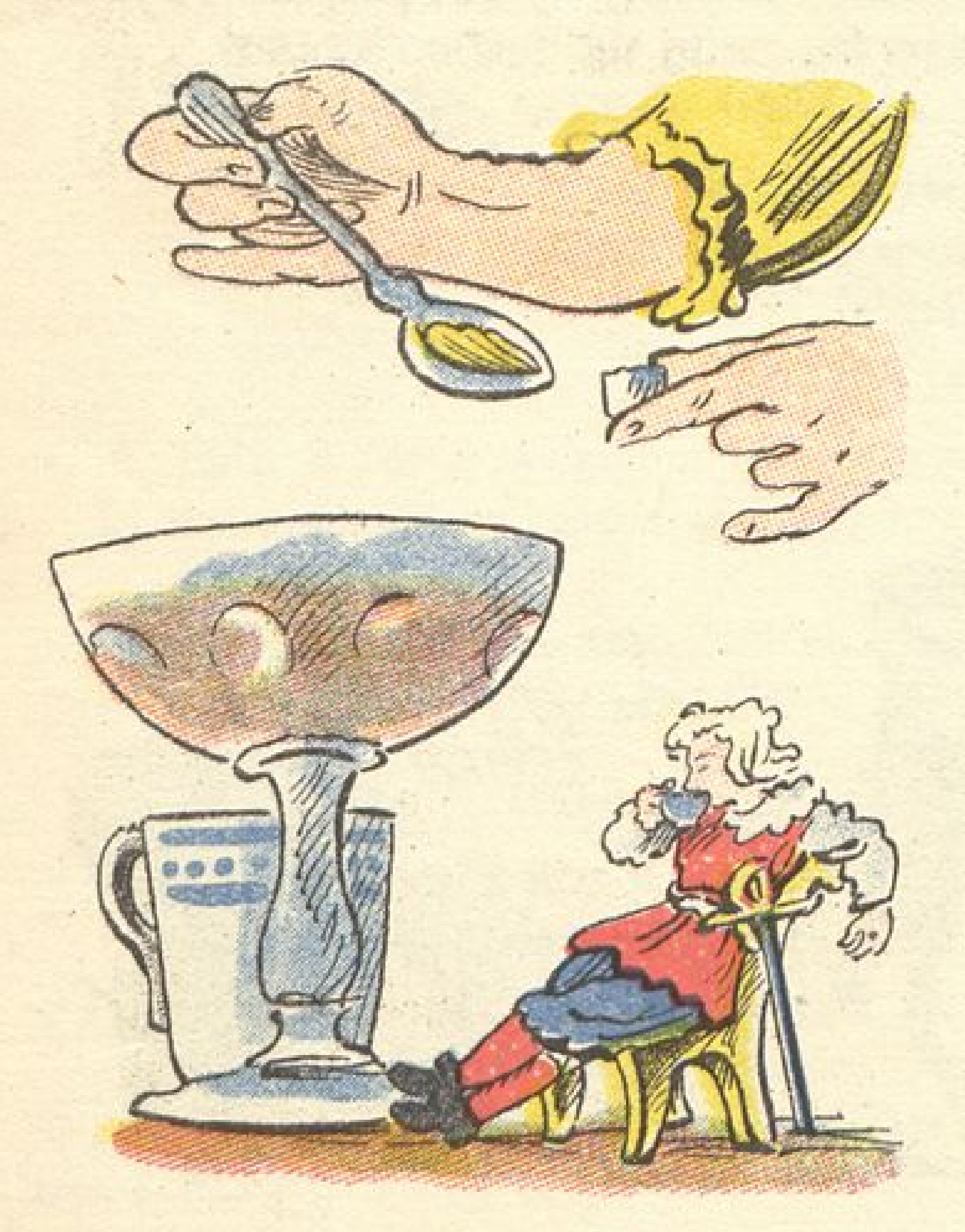
— Скорее домой! —
Мы бежим под дождём
И Бибигона
С собою несём!

Ну вот мы и дома!
И мёдом и чаем
Усталого путника
Мы угощаем.

И он засмеялся:
— Я рад,
Что к вам воротился назад:
Милую вашу семью
Я, как родную, люблю.
Но сейчас я смертельно устал, —
С лютым недругом я воевал.

И мне бы хотелось чуть-чуть
Тут у окна отдохнуть.
Уж очень он зол и силён,
Этот проклятый дракон!

И, повалившись на стул,
Он сладко зевнул и заснул.
Тише! Пускай отоспится!
Будить его нам не годится!
А завтра расскажет он сам
Про все свои подвиги нам.

ЦИНЦИНЭЛЛА В БЕДЕ

Сладко спит усталый Бибигон! Спит и улыбается во сне. Теперь уж он ни за что не уедет отсюда! Как хорошо ему будет в игрушечном доме — и ему и его Цинцинэлле!

В этом игрушечном доме есть и коврики, и занавески на окнах, и две кукольные кроватки с подушками.

Дом сделан из старого соснового ящика. Мой внучонок Митяйка, знаменитый строитель, приделал к этому ящику высокую башню из кухонной круглой жестянки, так что дом стал похож на дворец.

Сладко спит Бибигон у себя в бибигонском дворце, а в саду, у заднего крылечка, дремлет наша чёрная кошка Чертецца.

И вдруг она видит вдали у забора маленькую белую мышку.

Чертецца ласково виляет хвостом, и бросается на белую мышку, и вонзает в неё острые когти, и хватает её острыми зубами. и несёт её на кухню к Федосье Ивановне.

А Федосья Ивановна почему-то страшно боится мышей. Увидев белую мышку, она взвизгивает, роняет кастрюлю, вскакивает на свой сундучок и в ужасе машет руками.

Вот какая смешная трусиха! Разве можно бояться каких-то маленьких мышек!

А мышка вырвалась из кошачьих когтей и, почуяв свободу, быстро шмыгнула под стол.

А под столом стояла мышеловка. Мышеловка захлопнулась, и мышка очутилась в плену.

К счастью, в это время на кухню вбежал мой внучонок Митяйка. Он схватил мышеловку и понёс её ко мне в кабинет. Чертецца помчалась за ним и требовала, чтобы ей отдали мышку. Если бы она могла говорить, она непременно сказала бы:

— Ведь эту мышь поймала я!
Мияу! Мяу! Мяу!
Она моя, моя, моя!
Мияу! Мяу! Мяу!

Сердито мяукая, Чертецца вскочила на спинку дивана и готова была прыгнуть на стол, чтобы отнять у нас белую мышку.

А следом за Чертеццей вбежала Федосья Ивановна.

— Утопите, утопите её! — требовала она испуганным голосом.

И вдруг мы услышали отчаянный крик. Это кричал Бибигон:

— Цинцинэлла! Моя Цинцинэлла! Руки прочь от моей Цинцинэллы!

Мы и не знали, что он может так громко кричать. Он только что проснулся и увидел в окно своей игрушечной комнаты раненую белую мышь, которая сидела в мышеловке и плакала.

В одну секунду выпрыгнул он из окна и, как буря, налетел на Федосью Ивановну. Потом грозно посмотрел на меня, взмахнул своей шпагой и крикнул:

— Кто тронет милую мою,
Того я мигом заколю!

И подбежал к мышеловке, и приподнял её тяжёлую железную дверцу, и бросился на шею к белой мышке, и повёл её к себе во дворец, и целовал её в лоб и в глаза, и повторял:

— Цинцинэлла! Моя Цинцинэлла!

Белая мышь была рада и счастлива. Правда, на спине у неё были ужасные раны, так как Чертецца больно искусала её, но в эту минуту она как будто забыла о ранах и весело визжала от радости.

Я смотрел на них обоих с удивлением и наконец спросил у Бибигона:

— Кто такая эта белая мышь?

И он ответил мне, рыдая:
— Она сестра моя родная!
Но в мышку белую она
Злым колдуном превращена.
И тот колдун — мой лютый враг,
Злой и коварный Брундуляк!

И он уложил белую мышку в постель, и перевязал её раны, и долго напевал ей какую-то странную песню на непонятном бибигонском языке.

Когда белая мышка заснула и он взошёл на свою бибигонскую башню, я спросил у него: как же это случилось, что его сестру Цинцинэллу могла постигнуть такая беда?

Он долго молчал, а потом вздохнул и ответил:

— Моя родная Цинцинэлла
Со мной на землю прилетела.
С луны спустилася она,
Но стать женою колдуна
Несчастная не захотела.

И вот над гордой Цинцинэллою
Он прошептал: «Кара-бараз!»
И — горе! горе! — мышкой белою
Бедняга стала в тот же час!

(Продолжение следует)

КУКАРЕКУ

Сказка

Я. ТАЙЦ

Рис. Е. РАЧЕВА

Жили-были в одной берлоге большой медведь и маленький. Большой медведь — медведица, а маленький — медвежонок.

Вот медвежонок говорит:

— Мама, купила бы чего-нибудь весёлого.

Пошла медведица на базар и купила петушка. Только не сладкого, на палочке, и не деревянного, расписного, а настоящего, живого.

Вот мишка стал с ним играть. Весь день играл, а вечером заснул на лавке. Вдруг среди ночи петушок запел:

— Ку-ка-реку!

Медвежонок испугался, чуть с лавки не упал:

— Кто поёт, кто спать не даёт?

А петушок испугался, молчит, как будто это не он.

Вот на другую ночь опять все спят, и вдруг петушок запел:

— Ку-ка-реку!

Медвежонок испугался, упал с лавки, чуть петуха не задавил.

— Ага, вот кто поёт, спать не даёт! Я тебя сейчас съем!

А петушок пищит:

— Я больше не буду!

Вот на другую ночь опять все спят. А петушок не спит, томится. Охота ему спеть, а нельзя. Терпел-терпел, а как полночь настала, не вытерпел, да как загорланит:

— Ку-ка-реку!

Медвежонок вскочил, медведица вскочила.

— Надо его съесть, а то покоя нет по ночам.

А петушок опять взмолился:

— Не буду, не буду...

Тут утро настало. Медведица говорит:

— Медвежонок, сходи в лес за хворостом, а то зима на носу.

Пошёл медвежонок в лес, и вдруг на него сон напал. Всетаки три ночи не спал, с петушком воевал.

«Дай-ка посплю маленько!»

И медвежонок лёг, где стоял, и заснул. Тут зима пришла, занесло его снегом. Мать выходила искать его, да разве найдёшь? Кругом снег.

А весной медвежонок проснулся, потянулся и думает: «Пойду домой».

И пошёл было домой, да заблудился. Лёг-то он осенью, а сейчас весна, всё по-другому.

Стал дорогу искать, попал в лес, да и вовсе там запутался. Куда ни пойдёт, всё не то. Тут ночь настала. Страшно мишке в лесу, заплакал:

— Ма-ма-а-а!

И вдруг он слышит; в тишине кто-то далёко-далёко поёт:

— Ку-ка-реку!

Обрадовался медвежонок.

— Да ведь это он, мой петушок, голос мне подаёт!

И пошёл на голос и вышел прямо к дому.

Медведица обрадовалась, петушок обрадовался, а мишка говорит:

— Пой, петушок, пой! Я теперь всю ночь спать не буду, выспался за зиму.

И петушок запел от всего сердца:

— Ку-ка-реку!

Вот с того медвежонка и пошло, что как зима, так медведи на боковую. А петухи до сих пор по ночам поют:

— Ку-ка-реку!

Хорошая песня! Её не всякий споёт!

На первой и последней страницах рисунки *Б. Лебедева*
Портрет товарища Сталина — автолитография *В. Сурьянинова*

Год издания двадцать третий Цена 2 руб. Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Новая площадь, 6. Тел. К-0-43-23. Подписано к печати 6|V 1946 г. А04521. Объем 3 печ. л. 3,8 уч.-изд. л. 33 000 зн. в печ. л. Тираж 105 000 экз. Заказ 841.

Тип. «Красное знамя» изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, Сущевская ул., 21.